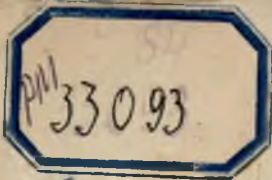

54

acu

PM 33093

Werner G. Kuhn

Иосиф Уткин

О РОДИНЕ
О ДРУЖБЕ
О ЛЮБВИ

ОГИЗ

**Государственное издательство
художественной литературы
Москва 1944**

*Заздравная
песня*

ЗАЗДРАВНАЯ ПЕСНЯ

Что любитя, чем дышится,
Душа чем ваша полнится,
То в голосе услышится,
То в песенке припомнится.

А мы споём о родине,
С которой столько связано,
С которой столько пройдено
Хорошего и разного!

Тяжёлое — забудется.
Хорошее — останется;
Что с родиною сбудется,
То и с народом станется.

С её лугами, нивами.
С её лесами-чащами;

Была б она счастливою,
А мы-то будем счастливы.

И сколько с ней ни пройдено, —
Усталыми не скажемся
И песню спеть о родине
С друзьями не откажемся!

1942

ГВАРДЕЙСКАЯ НОВОГОДНЯЯ ЗДРАВНИЦА

Тишины заветной выждав,
Мы поднимемся засим,
Мы поднимемся и трижды
Тост бойца провозгласим.

Тост за родину, конечно, —
За её гвардейский рост,
За её прекрасный вечно
Облик русский — первый тост.

Век да будет ей неведом
Чужеземной жизни гнёт!
...А вторую — за победу,
Как всегда, гвардеец пьёт.

Ну, а коли о знакомом —
О победе речь, друзья,
То не выпить за наркома
Нам, бойцам, никак нельзя.

Тот, кто пороха отведал,
Тот, как с истиной знаком:
Там, где русский, там — победа,
Где победа, там нарком!

1943

СЕСТРА

Когда, упав на поле боя —
И не в стихах, а наяву, —
Я вдруг увидел над собою
Живого взгляда синеву,

Когда склонилась надо мною
Страданья моего сестра, —
Боль сразу стала не такою:
Не так сильна, не так остра.

Меня как будто оросили
Живой и мёртвою водой,
Как будто надо мной Россия
Склонилась русой головой!..
1943

РУССКОЙ ЖЕНЩИНЕ

Русской женщины тихая прелесть,
И откуда ты силы берёшь?
Так с тобой до конца и не спелись
Чужеземная мода и ложь.

А гляди: на готовом не нежась,
Соблюла, не утратила ты
Щёк своих не заёмную свежесть,
Блеск и гордость своей простоты.

А не сдали, склоняясь над делом,
Ни твои ни осанка, ни рост.
И журчит по плечам твоим белым
Золотая поэзия кос.

Если б слово такое имелось —
Передать так, как есть, без затей
Этот взгляд, эту робкую смелость,
Как на тройке летящих, бровей!..

Да, не с песней неслась, не на тройке
Красоты твоей русская быль.
Было всё: и больничная койка,
И этапов кандальная пыль,

Казематов подземные своды...
А когда (это помню уж сам)
Бородатые люди свободы
По сибирским скрывались лесам,

На снегу, на серебряном ложе,
Целя в подлую власть Колчака,
Припадала к ружейному ложу
Молодая, от гнева, щека!..

Но и в белое логово целясь,
Не менялась душа твоих глаз:
Та же тихая русская прелесть
Из-под шапки глядела на нас.

И такой же, во всём обаянье
Самобытной своей красоты,
И сегодня под звуки баяна
Над землянкой склоняешься ты.

Перерывы солдатского боя
Переливами песен полны:
За гармоникой бредят тобою
Загорелые руки войны...

Как же так: и тюремную участь,
И войну, и нужду, может быть.

Глаз твоих голубая живучесть,
Не померкнув, могла победить?!

Не такой ли ты просто породы?
Не таких ли ты просто кровей?
Уж не в недрах ли русских—природа
Неподкрашенной силы твоей?

Не одна ли роса оросила
И тебя и родные края?
И, как самое имя «Россия»,
Не извечна ли прелесть твоя?

1943

ГОРОД

*Москва... как много в этом звуке
Для сердца русского слилось.*

А. Пушкин

Вот он, древний, родной и великий,
В эту зимнюю ночь — нелюдим;
Над трубою фабричною лихо,
По-гусарски, закрученный дым.

Колокольни Ивановой каска,
И под снегом, как будто дремля,
До бровей заметённая сказка —
Златоглавая сказка Кремля.

Сколько мыслей, и чувств, и волнений
Вызывает в душе этот вид!
Небо, влажное от умиленья,
Как художник, на город глядит.

Но и небо мне кажется тусклым:
Эту славных веков благодать
Можно только, пожалуй, на русском,
На родном языке передать!

1943

В ДОРОГЕ

Ночь, и снег, и путь далёк;
На снегу покато
Только тлеет уголёк
Одинокой хаты.

Облака луну таят,
Звёзды светят скупю.
Сосны зимние стоят,
Как бойцы в тулупах.

Командир усталый спит,
Не спешит савраска,
Под полозьями скрипит
Русской жизни сказка.

...Поглядишь по сторонам —
Только снег да лыжни.
Но такая сказка нам
Всей дорожке жизни!

1942

ТРОЙКА

*Тройка мчится,
Тройка скачет...*

П. Вяземский

Мчится тройка, скачет тройка,
Колокольчик под дугой
Разговаривает бойко.
Светит месяц молодой.

В кошеве широкой тесно;
Как на свадьбе, топоча,
Размахнулась, ходит песня
От плеча и до плеча!

Гармонист и запевала
Держит песню на ремне,
Эта песня побывала
И в станице, и в Кремле.

Ветер по снегу елозит:
Закружит — и следу нет,
Но глубокие полозья
Оставляют в сердце след.

Как он близок, как понятен,
Как народ к нему привык,

Звонких песен, ярких пятен
Выразительный язык!

Мчится тройка, смех игривый
По обочинам меча.
Пламенеет в конских гривах
Яркий праздник кумача.

Кто навстречу: волк ли, камень,
Что косится, как дурной,
Половецкими белками
Чистокровный коренной?

Нет, не время нынче волку!
И, не тронув свежий наст,
Волк уходит втихомолку,
Русской песни сторонясь.

А она летит, лихая,
В белоснежные края,
Замирая, затихая,
Будто молодость моя...

УТРО

Сквозь морозные ресницы
Утро смотрит на синицу.

На синицу, на берёзу,
Драгоценную с мороза.

На меня и на посёлок
Лесорубов невесёлых.

На посёлок, где с рассвета
Ни души, должно быть, нету.

Наконец — глядит на гору
От меня верстах в пяти.

И на лыжню, по которой
Так вот молодо и скоро
Я б хотел всю жизнь итти!

1940

ПЕЙЗАЖ

Полей предвечерняя небыль,
Похода размеренный шаг;
Пыля, пробирается в небо
Войны бесконечный большак.

Белеет старинная церковь
Над тихой и мирной рекой.
На куполе медленно меркнет
Степного заката покой.

Но с мирной природою в споре,
Как грозного времени тень,
Чернеет народное горе
Спалённых войной деревень.

Чернеет и справа и слева...
И слышно, как там, впереди,
Огонь орудийного гнева
Гудит у России в груди!
1943

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Не звали нас и не просили,
Мы сами встали и пошли,
Судьбу свою в судьбе России
Глазами сердца мы прочли.

Мы будем жить, как наши предки,
К добру и подвигу спеша:
Свободно жить! Неволи, клетки
Не терпит русская душа.

Над нами ясность небосвода,
Могуч народ и коренаст;
Дубрава, степь... Сама природа
Солдатской чести учит нас!

Мы на свои леса и воды
Как на своих друзей глядим.
И благородных чувств природы,
Как дружбы, мы не предадим...

Не рвёмся мы в чужие страны.
Но сердцем чистым и простым
Родной земли живые раны
Мы не забудем, не простим.

Недаром так упрямы ноги,
Недаром люди так сильны,
Недаром люди и дороги
На запад так устремлены!

1943

КЛЯТВА

Клянусь: назад ни шагу!
Скорей я мёртвый сам
На эту землю лягу,
Чем эту землю сдам.

Клянусь, мы будем квиты
С врагом. Даю обет,
Что кровью будут смыты
Следы его побед!..

А если я нарушу
Ту клятву, что даю,
А если вдруг я струшу
Перед врагом в бою,

Суровой мерой мерьте
Позор моей вины:
Пусть покарает смертью
Меня закон войны!

1942

Я видел девочку убитую,
Цветы стояли у стола.
С глазами, навсегда закрытыми,
Казалось, девочка спала.

И сон её, казалось, тонок,
И вся она напряжена,
Как будто что-то ждал ребёнок...
Спроси, чего ждала она?

Она ждала, товарищ, вести,
Тобою вырванной в бою, —
О страшной, беспощадной мести
За смерть невинную свою!

1941

Я ВИДЕЛ САМ

Я видел сам... Но нет, не верю,
Не верю собственным глазам,
Чтоб то, что я увидел сам,
Свершили люди, а не звери!

Не верю, нет! Но тише, тише...
Я видел сам... Я видел их —
Невинных, мёртвых и нагих,
Штыками проткнутых детишек!

И, как слепой, руками шаря,
Не веря собственным глазам, —
Их матерей в костре пожара,
Товарищи, я видел сам!

Тяжёлый сон? Ну, нет, едва ли
Приснятся нам такие сны!
...Пилотки сняв, потрясены,
Безмолвно мы вокруг стояли.

Стояли мы, застыв на месте...
И как взлетали к небесам
Слова о беспощадной мести,
Товарищи, я слышал сам!

1942

ПОСЛУШАЙ МЕНЯ

Послушай меня: я оттуда приехал,
Где, кажется, люди тверды, как гранит,
Где гневной России громовое эхо,
Вперёд продвигаясь, над миром гремит.
Где слева—окопы, а справа—болота,
Где люди в соседстве воды и гранат
Короткие письма и скромные фото,
Как копии счастья, в планшетах
хранят.

Здесь громкие речи, товарищ, не
в моде,
Крикливые песни совсем не в ходу,
Любимую песню здесь люди
заводят —

Бывает — у смерти самой на виду!
И если тебя у костра попросили
Прочсть, как здесь принято, что-то
своё —

Прочти им, без крика, стихи о России,
О чувствах России к солдатам её.

Как любят их дети, как помнят их
жёны...

И станут тебе моментально слышны

И снег и деревья — весь слух
напряжённый
Овеянной стужей лесной тишины.

И как бы при звуках родной им
трёхрядки,
Словам твоей правды поверив не вдруг,
Весёлый огонь молодой переглядки,
Искрясь, облетит их внимательный
круг.

И кто-то дровец, оживляясь, подбросит,
И кто-то смущённо оправит ружьё,
И кто-то любимую песню запросит,
И кто-то тотчас же затаяет её...

В холодных порядках серебряной чаши
Осыплется пепел с верхушек седых:
Как будто простое, солдатское счастье
Горячим дыханьем коснётся и их.

А русская песня, что с кривдой не
в мире,
Пойдёт, между тем, замирать на лету,
Потом, разрастаясь всё шире и шире,
Как храбрый разведчик, уйдёт
в темноту.

ЗАТИШЬЕ

*Он душу младую
в объятиях нёс...*

М. Лермонтов

Над землянкой в синей бездне
И покой и тишина.
Орденами всех созвездий
Ночь бойца награждена.

Голосок на левом фланге.
То ли девушка поёт,
То ли лермонтовский ангел
Продолжает свой полёт.

Вслед за песней выстрел треснет --
Звук оборванной струны.
Это выстрелят по песне
С той, с немецкой стороны.

Голосок на левом фланге
Оборвётся, смолкнет вдруг...
Будто лермонтовский ангел
Душу выронил из рук...

1943

БЕЖЕНЦЫ

Вся жизнь на маленьком возке!
Плетутся медленные дроги
По нескончаемой тоске
В закат уткнувшейся дороги.

Воловий стон и плач колёс.
Но не могу людей обидеть:
Я не заметил горьких слёз,
Мешающих дорогу видеть.

Нет, стиснув зубы, сжавши рот,
Назло и горю и обидам,
Они упрямо шли вперёд
С таким невозмутимым видом,

Как будто, издали горя,
Ещё не видимая многим,
Ждала их светлая заря,
А не закат в конце дороги.

1941

БЫЛОЕ

Закат. Приднепровские нивы.
Плетутся волы кое-как.
Колёса скрипят. И лениво
Сосёт свою люльку чумак.

И вдруг, замахнувшийся было,
Застынет в руке его кнут:
То город, душе его милый,
То Киева главы всплывут!

И, чувству святому внимая,
Слезает с арбы кое-как,
Широкую шляпу снимает
И крестится долго чумак...

1943

НА ДНЕПРЕ

Привал у переправы —
Заправка невзначай;
Танкисты всей оравой
Устало пили чай.

Река траву колышет,
Волна о берег бьёт.
И вдруг танкисты слышат,
Что девушка поёт.

Поёт она печально
На правом берегу.
...Бросает чай начальник:
— Гвардейцы... не могу! —

Идёт к машине быстро.
Встаёт за ним народ:
Бросают чай танкисты —
По танкам — и вперёд!

Забыли про усталость —
Летят вперёд, как вихрь.
...Украйна, им казалось,
Зовёт на помощь их.

1943

МАШИНИСТ

Стук колёс и ветра свист,
Мчится поезд — дым по пояс;
Бледен русский машинист,
Он ведёт немецкий поезд.

Кровь стучит в его висках,
Мыслей спутался порядок;
В длинном поезде войска
И снаряды... и снаряды!

И шумит родная рожь,
И вопят поля и пустошь:
— Неужели довезёшь?
Не допустишь... не допустишь!

Водокачек кирпичи,
Каждый дом и каждый кустик —
Всё вокруг него кричит:
— Не допустишь... не допустишь!

За спиной наган врага,
За спиною смерть... так что же!
Жизнь, конечно, дорога,
Но ведь честь ещё дороже.

Ветер шепчет: погляди,
Высунься в окно по пояс:
Путь закрыт, и впереди,
На пути, с горячим поезд.

Он с пути не сводит глаз.
Семафор, должно быть, скоро.
Вот зажётся и погас
Глаз кровавый семафора.

Сердце спалось у него —
Боль последняя, немая.
Немец смотрит на него,
Ничего не понимая.

Но уж поздно понимать!
Стрелки застучали мелко.
— Родина, — он шепчет, — мать... —
И проскакивает стрелку.

Взрыва гром и ветра свист...
Ночь встаёт в огне по пояс;
Гибнет русский машинист,
Гибнет с ним немецкий поезд!

ДОПРОС

— Ви стояль на карауле?

— Нет.

— Ви пустиль в зольдата пуля?

— Нет.

— Ви живёте у базара?

— Нет.

— Ваш фамилия Назаров?

— Нет.

...Три расколотых ореха.

Ночь. Но выстрелам в ответ

Трижды отвечает эхо:

— Нет.

— Нет.

— Нет!

1942

КЛЯТВА

Над свежей могилой героя
Клянутся сурово друзья,
И клятвы сильнее, чем эта,
Придумать, должно быть, нельзя.

Она языком автоматов
Вдоль пыльных шоссе говорит,
Она офицерскою хатой
В ночи партизанской горит!

Как чистое детское сердце,
Слова этой клятвы просты.
Но гнутся под тяжестью слова
И падают в бездну мосты.

И бурно над свежей могилой
В ответ прорастает трава,
Как знак, что становятся жизнью
Суровые клятвы слова.

1942

БАЛЛАДА О ЗАСЛОНОВЕ ¹
И ЕГО АДЪЮТАНТЕ

Немцы Женьке говорят:
— Где Заслонов? Где отряд?
Говори нам всё подряд,
Слышишь?

— Я не знаю...

— Где оружие? Где склад?
Скажешь... деньги, шоколад.
Нет... верёвка и приклад,
Понял?

— Я не знаю..

Немец курит — Женьку жжёт.
Женька терпит, Женька ждёт —
Молчит на допросе:
Заслонов не бросит.

...Утро. Площадь. Солнце. Свет.
Виселица. Сельсовет.

---

¹ Константин Заслонов — легендарный командир партизанского отряда, Герой Советского Союза. За голову Заслонова немцы предлагали... промышленное предприятие в Германии.

Партизан не видно.
Женька думает: «Капут,
Наши, видно, не придут,
Помирать мне, видно».

Вспомнил мать. Отца. Семью.
Сестру дорогую.
...А палач одну скамью
Ставит на другую.

— Лезь...

Ну, всё!—

И Женька влез.

...Сверху небо. Справа — лес.
Грустными глазами
Оглядел он ширь небес,
Поглядел опять на лес.
Поглядел... и замер.

Явь ли это, или сон?!
Рожью, полем — с трёх сторон —
Мчатся партизаны.
Впереди Заслонов — вскачь.
Ближе... ближе!
А палач
Своим делом занят.

Смерил петлю — в самый раз.
Усмехнулся, — ждёт приказ.

...Офицер:

— В последний раз...

Где есть партизаны?

Где Заслонов?

Женька: — Где?

— На земле и на воде.

— И в овсе' и в хлебе.

— И в лесу и в небе.

— На гумне и в поле.

— На дворе и в школе.

— В церкви... в лодке рыбака.

— В избе за стеною.

— У тебя у дурака

Фрица... за спиною!

Оглянулся фриц и — хлоп,
И упал со стоном:

Прямо с ходу немцу в лоб

Угодил Заслонов.

1943

ГОНЕЦ

Прискакал в Москву гонец,
Звякнул стремями.
В Кремль торопится: конец
Немцу на Тамани!

Улыбается: — Капут
На Тамани фрицам. —
Доложил в Кремле... И тут
Грянула столица!

Вся сияет, вся в огне,
Посмотреть приятно!
...А казак уж на коне:
Мчит во-всю обратно.

Говорит: пора ему...
Надо, мол, вернуться.
Говорит: его в Крыму
Ждут, мол, не дождутся!

1943

СТАРЫИ ПАРТИЗАН

В дикой чаще бороды
Седины белеют пряди;
Он шагает впереди
Как отец в своём отряде.

Лоб нахмуренный оброс,
Острый глаз косится дико:
— Это что за паровоз?
Ну-ка, Ваня, погляди-ка...

У разъезда паровоз
Воду пьёт в дыму по пояс.
Парень к поезду подполз,
И... летит на воздух поезд!

...Подбегают старики:
— Полустанок немцем занят! —
Обступают у реки
Полустанок партизаны.

Тишина вокруг... Но вот
Полустанок сонный ожил...
Взрыв... и возгласы: «Майн готт!»
Но уж бог им не поможет.

...Непреклонен, собран весь,
За народ в огонь и в воду —
Он идёт, как гнев и месть
Оскорблённого народа.

А за ним — мосты, столбы,
Хлеб, что не убрали сами,
Всё пылает, как борьбы
Несгорающее знамя!

1941

ДЕД

Ни поспать, ни пообедать
Немцам стало, говорят.
Всюду дед и люди деда:
Там, где немцы, там — отряд.

Лопнет на пути покрышка,
Немец вылез — и капут!
Чуть отстанет немец — крышка:
Партизаны тут как тут!

И гадают людоеды,
Смотрят лютого лютей:
— Дед ли это, или деды?
Сколько ж у него людей?

А в ответ несёт палёным,
А в ответ слова звучат:
— Дед один, но миллионы
У него в стране внучат.

1941

БАБЫ

Прибегают к штабу бабы,
Говорят: — Начальник штаба,
Высылай скорей отряд.
За селом у нас, в овине,
Сами видели живыми
Трёх фашистов, — говорят.

Командир суров и бледен:
— Я людьми сегодня беден...
Все в расходе... Как мне быть
Одному? Вот если, кабы
Пособили вы мне, бабы... —
Бабы: — Рады пособить!

— Ну, тогда, — сказал он, — нате... —
Выдал бабам по гранате
И повёл их за собой.
И пошёл начальник штаба,
Объясняя вкратце бабам,
Как ведут гранатный бой.

...За селом овин душистый.
Прикорнули три фашиста,
Крепко в сене спят... Но вот...

Рвётся первая граната!
И гремит приказ с раскатом:
— По врагу!.. Гранаты!.. Взвод!

Немцы бедные спросонок —
Под огнём не до фасона! —
Поднимают руки враз;
Подтянули только брюки,
Но, когда подняли руки,
Поразились: — Вас ист дас?!

Взвод... Гранаты... А на деле?
А на деле поглядели:
— Вот так штука, чорт возьми! —
Впереди начальник штаба,
А вокруг овина... бабы!
И не более восьми...

1941

СЛАВА РУССКОМУ ШТЫКУ!

Сильна народная натура.
И знал у нас любой малец
Суворовское: пуля — дура,
А штык — известно! — молодец.

Но годы шли... Суровый, смелый
Народ наш многое постиг.
И пуля-дура... поумнела.
— А как же штык?
— А русский штык?

В атаках, грозных и суровых,
Советский доказал боец,
Что в этой части прав Суворов:
И штык всё так же... молодец!
1941

**ЧЕМУ НЕ БЫВАТЬ
И ЧТО НЕПРЕМЕННО БУДЕТ**

Чего никогда не видел?

— Чтоб зрячего вёл слепец.

— Чтоб сокола змей обидел.

— Чтоб сдался врагу боец.

Чего никогда не слышал?

— Чтоб лебедем взвился рак.

— Чтоб гусь на охоту вышел.

— Чтоб сладил с народом враг.

Чего не бывало сроду?

Чему никогда не стать?

— Не тронуться Волге вспять.

— Не быть под ярмом народу!

А что непременно будет?

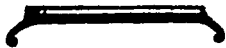
— А быть морозу к зиме.

— А щуке быть на блюде,

— А Гитлеру... быть в земле!

1941

*Ты пишешь
письмо мне*

О ГЕРОЯХ

Герой не тот, что — грудь горою,
А голос — во! И руки — во!
Не громким голосом героя
Мы измеряем рост его.

Другой, глядишь, и скажет скупю,
И вид не тот, и ростом мал,
Но как высок его поступок,
Как звонок мужества металл!

И если славой он увенчан,
То он всегда по росту ей;
У нас людей высоких меньше,
Чем героических людей.

И мы теряемся порою,
И не легко бывает нам

Все подвиги и всех героев
Назвать стране по именам.

Бывает, лист ещё не высох,
Как снова удлинился он,
Неповторимый этот список
Геройства, славы и имён;

Как снова родиной увенчан
Один из славных сыновей,
Которых у страны не меньше,
Чем нужно для победы ей!

1941

ВСЕМ ТЫ, МОЛОДЕЦ, ХОРОШ

Всем ты, молодец, хорош,
Всем ты за сердце берёшь:
И улыбкой, и лицом,
И приветливым словом.
Слово скажешь — сердце тает!
...А чего-то нехватает...

Сколько в молодце красы!
У него ли не усы!
Не усы, а усики,
Не глаза, а бусики:
Как посмотрит — сердце тает!
...А чего-то нехватает...

Нехватает молодцу
Не красы, не золотца,—
Силы да умелости,
Ловкости да смелости,
Голубых петлиц к лицу
Нехватает молодцу!

1941

ПЕТЛИЦЫ

— Не могли бы вы, сестрица,
Командиру услужить?
Не могли бы вы петлицы
На шинель мою нашить?

Может быть, вдали, в разлуке,
Невзначай взглянув на них,
Я с волнением вспомню руки,
Нашивавшие мне их.

Сердцу станет так приятно!
...А когда война пройдёт,
А когда меня обратно
К вам победа приведёт,

Может быть, тогда, сестрица,
Уцелевшие в огне
Эти скромные петлицы
Вам напомнят обо мне...

1941

ПРОВОДЫ

Удаляясь быстро-быстро,
Опускался поезд вниз,
Отставая, дым и искры
Вслед за поездом гнались.

Песня слышалась недолго.
И она в конце концов
За шлагбаумом умолкла
Вместе с гомоном бойцов...

Тихо стало на перроне,
Только слух и только взгляд:
Люди слова не проронят,
Только вдаль тепло глядят.

Так тепло глядят и строго
(С теплотой глядишь и ты),
Что бойцам на всю дорогу
Хватит этой теплоты.

1942

ПОСЛЕ БОЯ

Сон короткий после боя
В переполненной избе.
Я укрылся с головою
Нежной мыслью о тебе.

Положил я в изголовье
Сумку верную свою,
Оборвав на полуслове
Пережитое в бою.

И уже через мгновенье —
Ни войны, ни маяты:
В лёгких тканях сновиденья
Надо мною только ты.

Отступает всё куда-то
(Только ты — и никого!)
Перед крепким сном солдата,
Крепким, как любовь его!

1943

ТЫ ПИШЕШЬ ПИСЬМО МНЕ

На улице полночь. Свеча догорает.
Высокие звёзды видны.
Ты пишешь письмо мне, моя дорогая,
В пылающий адрес войны.

Как долго ты пишешь его, дорогая.
Окончишь и примешься вновь.
Зато я уверен: к переднему краю
Прорвётся такая любовь!

...Давно мы из дома. Огни наших
комнат
За дымом войны не видны.
Но тот, кого любят,
Но тот, кого помнят,
Как дома — и в дыме войны!

Теплее на фронте от ласковых писем.
Читая, за каждой строкой
Любимую видишь
И родину слышишь,
Как голос за тонкой стеной...

Мы скоро вернёмся. Я знаю. Я верю.
И время такое придёт:

Останутся грусть и разлука за дверью,
А в дом только радость войдёт.

И как-нибудь вечером вместе с тобою,
К плечу прижимаясь плечом,
Мы сядем и письма, как летопись боя,
Как хронику чувств, перечтём...

1942

**ЕСЛИ БУДЕШЬ РАНЕН,
МИЛЫЙ, НА ВОЙНЕ...**

— Если будешь ранен, милый, на
войне,
Напиши об этом непременно мне.
Я тебе отвечу
В тот же самый вечер.
Это будет тёплый, ласковый ответ:
Мол, проходят раны
Поздно или рано,
А любовь, мой милый, не проходит,
нет!

Может быть, изменишь, встретишься с
другой —
И об этом пишут в письмах,
дорогой!—

Напиши... Отвечу...
Ну, не в тот же вечер...
Только будь уверен, что ответ придёт:
Мол, и эта рана
Поздно или рано,
Погрущу, поплачу... всё-таки пройдёт.

Но в письме не вздумай заикнуться
мне

О другой измене — клятве на войне.

Ни в какой я вечер

Трусу не отвечу.

У меня для труса есть один ответ:

Все проходят раны

Поздно или рано,

Но презренье к трусу не проходит,
нет!

1941

ЕСЛИ Я НЕ ВЕРНУСЬ, ДОРОГАЯ...

Если я не вернусь, дорогая,
Нежным письмам твоим не внемля,
Не подумай, что это — другая.
Это значит... сырая земля.

Это значит — дубы-нелюдимы
Надо мною грустят в тишине,
А такую разлуку с любимой
Ты простишь вместе с родиной мне.

Только вам я всем сердцем и внемлю.
Только вами и счастлив я был:
Лишь тебя и родимую землю
Я всем сердцем, ты знаешь, любил.

И доколе дубы-нелюдимы
Надо мной не склонятся, дремая,
Только ты мне и будешь любимой,
Только ты да родная земля!

1942

НАРОДНАЯ ПЕСНЯ

Тихий домик над рекою...
Кажется, подать рукою!
А пойти — так далеко.
А пройти — так не легко,
Не легко, товарищ.

Сад тенистый, нелюдимый...
Далеко ли до любимой!
А пойти — так далеко,
А обнять — так не легко,
Не легко, товарищ.

По-над Доном узкий лог;
В роще ароматной
Немец, сукин сын, залёг!
— Дай-ка автомат мне...
Я очищу узкий лог,

Чтобы каждый русский мог:
К Волге или к Дону,
К милой или к дому,
Земно или водно —
Проходить свободно!

1942

Лампы неуверенное пламя.
Непогодь играет на трубе.
Ласковыми, нежными руками
Память прикасается к тебе.

К изголовью тихому постели
Сердце направляет своей полёт.
Фронтальная музыка метели
О тебе мне, милая, поёт.

Ничего любовь не позабыла,
Прежнему попрежнему верна:
Ранила её, но не убила
И не искалечила война.

Помню всё: и голос твой и руки,
Каждый звук минувших помню дней!
В мягком свете грусти и разлуки
Прошлое дороже и видней.

За войну мы только стали ближе.
Ласковой. Прямей. И оттого
Сквозь метель войны, мой друг,
я вижу
Встречи нашей нежной торжество.

Оттого и лампы этой пламя
Для меня так ласково горит.
И метель знакомыми словами
О любви так нежно говорит...

1944

МОРЯК В КРЫМУ

Моряк вступил на крымский берег—
Легко и весело ему!
Как рад моряк! Он ждал, он верил
И вот дождался: он в Крыму!

В лицо ему пахнуло мятой,
Победой воздух напоён.
И жадно грудью полосатой,
Глаза зажмурив, дышит он.

А южный ветер треплет пряди
Волос, похожих на волну,
И, преждевременную, гладит
Кудрей моряцких седину.

Как много видел он, как ведом
Ему боёв двухлетний гул!
Но свежим воздухом победы
Сегодня он в Крыму вздохнул.

И автомат, как знамя, вскинув,
Моряк бросается вперёд.

— Туда, где флотская святыня!

— Где бой!

— Где Севастополь ждёт!!

1944

Двадцатый

ДВАДЦАТЫЙ

Через
Речную спину,
Через
Лучистый плёс
Чугунной паутиной
Повис тяжёлый мост.

По краю —
Тишь да ивы,
Для отдыха — добро!
А низом — прихотливо
Речное серебро.

На тишь,
На побережье
Качает паровик...
— Я, милая, приезжий,

Я в отпуск,
Фронтовик...

Сады родные машут!
Здесь молодость текла,
И золотые чаши
Подняли купола.

Привет вам, отчьи веси!
С победой
И весной!..
Но что-то ты невесел,
Мой город дорогой.

Дома тихи
И строги.
И не слышать ребят,
И куры на дороге,
Как прежде, не пылят.

И яблони бескровны,
И тяжелы шаги,
И на соседских брёвнах
Служивый... без ноги.

Да, ничего на свете
Так, запросто, не взять, —

Когда родятся дети,
Исходит кровью мать!

Но вот
И наши сени.
Но вот
И милый кров,
Где первые
Сомненья,
Где первая любовь.

И в этом
Всё, как прежде —
И сад,
И тишь,
И крик.
— Я, бабушка,
Приезжий,
Я в отпуск,
Фронтовик.

И, взгляд последний бросив,
Старуха обмерла:
— Иосиф. Ах, Иосиф!
Я так тебя
Ждала!

И я в объятьях стыну...
— Иосиф, это ты?!

. . . . .
Чугунной паутиной
Качаются мосты.

И мчатся эшелоны
Солдат,
Солдат,
Солдат!
Тифозные перроны
Под сапогом хрустят.
По бёдрам
Бьются фляги.
Ремень, наган — правей.
И синие овраги
Под зарослью бровей.
В брони,
В крови,
В заплатах —
Вперёд,
Вперёд,
Вперёд! —
Страдал и шёл
Двадцатый,
Неповторимый год!!!

РАССКАЗ СОЛДАТА

Я люблю пережитые были
В зимний вечер близким рассказать...
Далеко, в заснеженной Сибири,
И меня ждала старуха-мать.

И ходила часто до порогу
(Это знаю только я один)
Посмотреть на белую дорогу,
Не идёт ли к ней бродяга-сын.

Только я другой был думой занят.
По тайге дорога шла моя.
И пришли к ней как-то партизаны
И сказали,
Что повешен я.

Вскипятила крепкий чай покорно,
Хоть и чаю пить никто не смог,
И потом надела чёрный
Старый бабушкин платок.

А под утро, валенки надвинув,
В час, когда желтеет мгла,
К офицерскому ушла овину —
И овин, должно быть, подожгла.

Отпевать её не стала церковь.
Поп сказал:
— Ей не бывать в раю. —
Шомполами в штабе офицерском
Запороли мать мою!..

Вот когда война пройдёт маленько
И действительную отслужу,
Я в Сибирь,
В родную деревеньку,
Непременно к матери схожу.
1924

НАЛЁТ

До курных уат — недалеко,
И кони ладно пропотели.
Буран косматым кулаком
Мотал и ёжил ели.

И брал на грудь буранный гул
Сосняк глухой и древний.
И псом испуганным в снегу
Корёжилась деревня.

Полковник вырос над лукой:
— Закладывай патроны! —
И каждый скованной рукой
Тугой курок потрогал.

И застонал оконный звон!
Обезумевший вдрызг,
Всю ночь казачий конный взвод
Дырявил шкуры изб.

И никогда, как в тот восход,
Под розошевшим небом
У проруби багровый лёд
Таким багровым не был...

Нагайка кинула коня.
Буря — опять напевней...
На дыбе дымного огня
Шаталась деревня...

1924

КОМСОМОЛЬСКАЯ ПЕСНЯ

Мальчишку шлёпнули в Иркутске.
Ему семнадцать лет всего.
Как жемчуга на чистом блюде,
Блестели зубы
У него.

Над ним неделю измывался
Японский офицер в тюрьме,
А он всё время улыбался:
Мол, ничего «не понимэ».

К нему водили мать из дому.
Водили раз,
Водили пять.
А он: — Мы вовсе незнакомы!.. —
И улыбается опять.

Ему японская «микада»
Грозит, кричит: — Признайся
сам!.. —

И били мальчика прикладом
По знаменитым жемчугам.

Но комсомольцы
На допросе

Не трусят
И не говорят!
Недаром красный орден носят
Они пятнадцать лет подряд.
...Когда смолкает город сонный
И на дела выходит вор,
В одной рубашке и в кальсонах
Его ввели в тюремный двор.

Но коммунисты
На расстреле
Не опускают в землю глаз!
Недаром люди песни пели
И детям говорят про нас.

И он погиб, судьбу приемля,
Как подобает молодым:
Лицом вперед,
Обнявши землю,
Которой мы не отдадим!

1934

СИБИРСКИЕ ПЕСНИ

1

Ночь темна.
Крепки засовы.
Стережёт тюрьму Чека.
Ходит песня часового
Мимо окон Колчака:

«Близко города Тамбова,
Недалёко от села,
Одного, потом другого,
Мать братишек родила.

Вместе ели,
Вместе спали,
Вместе маяли беду!
Да... второго расстреляли
В девятнадцатом году.

Я сегодня вспомню, Вася,
Как ты пел
И умирал...

— С добрым утром...
Одевайся...
Собирайся, адмирал!»

Ночь темна.
Крепки засовы.
Стережёт тюрьму Чека.
Ходит песня часового
Мимо окон Колчака.

2

У тюрьмы, за Ушаковской,
Часовой стоит с винтовкой.

— Как тебе не стыдно, парень,
Партизана сторожить?
Что ты — шкура или барин,
На чужое ловкий жить?

Ты крестьянин,
Я крестьянин.
Вместе ляжем,
Вместе встанем.
Ты — косить,
И я — косить.
Ты не евши —
Я не сыт!

Одного с тобой мы кругу,
Заодно бы нам и жить.
Не пристало нам друг друга
Тёмной ночью сторожить...

Часовой глядит печально,
Слёзы льются по усам...
— Не могу... убьёт начальник...
Служба, парень, знаешь сам.
— Плюнь на службу, часовой!
Ты, я вижу, парень свой...

Нам рукой подать до дому:
У меня в лесу отряд...
Партизану молодому
Каждый кустик будет рад!

...У тюрьмы, за Ушаковкой
Часовой пропал с винтовкой!

А за городом Иркутском
Тёмный лес кричит совой...
Тихо по лесу крадутся
Арестант и часовой.

1934—1940

НАРОДНАЯ ПЕСНЯ

— Ну-ка, двери отвори:
Кто стоит там у двери?
— Это нищий, Аннушка.

— Дай краюху старику,
Да ступай-ка на реку:
Кто там стонет,
Будто тонет?
— Это лебедь, Аннушка.

— Ну, так выйди за плетень:
Почему такая тень?!
— Это ружья, Аннушка.

— Ну, так выйди за ворота, —
Расспроси, какая рота:
Кто? Какого, мол, полка?
Не хотят ли молока?
— Не пойду я, Аннушка!

Это белые идут,
Это красного ведут,
Это... муж твой, Аннушка...

1939

РАССТРЕЛ

И просто так —
Без дальних слов —
Как будто был и не был...
За частоколами штыков
Так тяжело смотреть на небо...

И не борись...
И не зови...
И жизнь была не сладкой...
Как в лихорадке — грузовик,
И я — как в лихорадке.

Для волка сердце — ничего.
А много ли зверюге надо?
И с полушубка моего
Солдат весь путь
Не сводит взгляда.

Могу и душу подарить —
Вон там за следующей горкой...

. . . . .

— Товарищ, дай-ка закурить...
— Последняя махорка...

Колдобный дуб на что велик,
А в бурелом — соломке ровня,
Как аллигатор, грузовик
Улёгся у каменоломни.

И офицер спросил:

— Готов? —

Я сосчитал штыки неволью.

Зачем им дюжина штыков?

И одного вполне довольно...

Потухли, ухнув, фонари!..

Жара... Во рту прогоркло.

— Т-т-т-оварищ... дай-ка закурить.

— Подохнешь без махорки...

1924

КУРГАН

Ты не мучь напрасно взора,
Не придёт он.

Так же

вот,

Как на зимние озёра
Летний лебедь не придёт.

Не придёт к тебе он больше,
Нежной молодостью пьян, —
У границ шляхетской Польши
Поднял грудь седой курган...

Ничего ему не снится,
И ничем он не томим:
Сыплют хвойные ресницы
Сосны жёлтые над ним.

Но, идя
Вторым походом,
Обещаю, слышишь, мать,
Самым нежным,
Красным восходом
Холм заброшенный убрать!

А пока...
Не мучай взора,
Не придёт он...
Так же
                  вот,
Как на зимние озёра
Летний лебедь не придёт.

1926

АТАКА

Красивые, во всём красивом,
Они несли свои тела,
И, дыбя пенистые гривы,
Кусали кони удила.
Ещё заря не шла на убыль,
И розов был разлив лучей,
И, как заря,
Пылали трубы,
Обняв весёлых трубачей.

А впереди,
Как лебедь, тонкий,
Как лебедь, гибкий невпример —
На пенящемся арабчонке
Скакал безусый офицер.

И на закат,
На зыбь,
На нивы
Волна звенящая текла...
Красивые, во веём красивом,
Они несли свои тела.

А там, где даль,
Где дубы дремлют,

Стволами разложили медь,
Другую любящие землю,
Иную славящие смерть...

Он не был, кажется, испуган,
И ничего он не сказал,
Когда за поворотным кругом
Увидел дым, услышал залп.
Когда, качнувшись к лапам дуба,
Окрасив золотистый кант, —
Такой на редкость белозубый, —
Упал передний музыкант.

И только там, в каменоломне,
Он крикнул:
— Ма-а-арш! —
И побледнел...
Быть может, в этот миг он вспомнил
Всех тех,
Кого забыть хотел.
И кони резко взяли с места,
И снова спутали сердца —
Бравурность нежного оркестра
И взвизги хлесткого свинца...

И, как вчера,
Опять синели выси,

И звёзды падали
Опять во всех концах,
И только зря
Без марок ждали писем
Старушки в крошечных чепцах.
1925

БАРАБАНЩИК

Е. Зозуле

Шёл с улыбкой белозубой
Барабанщик молодой...

Пляшут кони,
Льются трубы
Светлой медною водой.

В такт коням,
Вздувая вены,
Трубачи гремят кадрили,
И ложатся хлопья пены
На порхающую пыль.

Целый день идут солдаты.
Грязь и молодость в лице.
И смеётся в ус хвостатый
Ресторатор на крыльце...

Всех их бой перекалечит.
И тогда
Тоска и страх
Высоко поднимут плечи
На костлявых костылях.

— Братья, —
Нежности... и пищи!
Нежность, счастья... и воды... —
И пройдут в лохмотьях хищных
Исступлённые ряды.

И опять с лицом паяца,
С той же сытостью в лице,
Будет в ус себе смеяться
Ресторатор на крыльце...

Барабанщик,
Где же кудри?
Где же песня и кадрили?

. . . . .
К Эрзеруму
Скачут курды.
Пляшут кони.
Дышит пыль...

СУНГАРИЙСКИЙ ДРУГ

Тревожен век.
И мне пришлось скитаться.
И чётко в памяти моей
Глаза печального китайца
В подковах сомкнутых бровей.

Мы верим тем,
Кто выверен в печалях;
Я потому его и помню так,
Что подружились мы
И повстречались
За чашей круговых атак.

Да,
Никогда нам так не породниться,
Как под единым знаменем идей!
И в ногу шли:
Китаец желтолицый
И бледнолицый иудей.

Года летят,
Как зябкие синицы,
Как снег,
Как дымное кольцо,

И мне теперь почти что снится
Его раскосое лицо.

Года летят,
Как зябкие синицы,
Как конь летит из-под плетей!..
И мне теперь,
Пожалуй, только снится
Восторг атак на родине моей...

Мой друг живёт на дальнем берегу,
На дальней Сунгари —
И это неизбежно, —
Но для него я строго берегу
Мою приятельскую нежность.

Я не скажу ему:
— Сюда, мой друг, скорей! —
Я не скажу,
Прекрасно понимая,
Что родину и матерей
Никто и никогда не забывает!

Но если крикнут боевые птицы
У сунгарийских грустных пустырей,
Сомкнутся вновь —
Китаец желтолицый
И бледнолицый иудей.

ГИТАРА

А. Жарову

Не этой песней старой
Растоптанного дня,
Интимная гитара,
Ты трогаешь меня.

В смертельные покосы
Я нежил, строг и юн,
Серебряную косу
Волнующихся струн.

Сквозь боевые бури
Пронёс я за собой
И женскую фигуру
Гитары дорогой!

Всегда смотрю с любовью
И с нежностью всегда
На политые кровью,
На бранные года.

Мне за былую муку
Покой теперь хорош.
(Простреленную руку
Сильнее бережешь!)

...Над степью плодоносной
Закат всегда богат,
И бронзовые сосны
Пылают на закат...

Ни сена! И ни хлеба!
И фляги все — до дон!
Под изумрудным небом
Тоится эскадрон...

...Что пуля? Пуля — дура.
А пуле смерть — сестра.
И сотник белокурый
Склонился у костра.

И вот, что самый юный
(Ему на песню — дар!),
Берёт за грудь певунью
Безусый комиссар.

И в грустном эскадроне,
Как от зелёных рек,
Повыпрямились кони,
И вырос человек!

...Короткие кварталы —
Летучие года!

И многого не стало,
Простилось навсегда.

Теперь весёлым скопом
Не спеть нам, дорогой.
Одни —
Под Перекопом,
Другие —
Под Ургой.

Но стань я самым старым, —
Взглянув через плечо,
Военную гитару
Я вспомню горячо.

Сейчас она забыта.
Она ушла в века
От конского копыта,
От шашки казака.

Но если вновь, бушуя,
Придёт пора зари, —
Любимая,
Прошу я —
Гитару подари!

ЯКУТЫ

Г. Ржанову

Доху песцовую тундра надела, —
Время велело надеть.
Поверху — бело,
Понизу — бело,
Бело, как белый медведь.

Лайкой пришибленной каждого лижет,
Гонит мороз в три ноги.
Бросил якут и бердану и лыжи,
Пьёт огневое орги¹.

Ой, ой, морозка,
Чёрен и бел ты.
Чёрен, как русский торгаш.
Русский возьмёт половину белки,
Ты и хвоста не дашь.

Тощи олени,
Слабей человека.
Шкуру повыели вши.

---

¹ О р г и — водка (якутск.).

Как же мне, кыс¹ из большого наслега,
Новые камосы² шить?

Рыжие луны за тундрой потонут,
Глубже упрячется звёздный народ.
А к моему худому хатону³
Стройная кыс
Ни за что не придёт.

Рыжие луны за тундрой потонут,
Бросят олени под сани помёт,
В дальний наслег
К огонеру-таену⁴
Стройная кыс, напевая, уйдёт...

Соболем бурым дума вертится,
Лапой скребёт по груди.
Э-э-э, заходи, человек или птица,
Сам сатана — заходи!..

— Здравствуй, Олеська, охотник
хороший,
Глаз твой да будет, как нож!

---

1 Кыс — девушка.

2 Камосы — оленьи сапоги.

3 Хатон — изба, юрта.

4 Таен — богач.

Как поживают
Олени и лошадь?
Сам хорошо ли живёшь?

— Живы олени и лошади будто,
Только что корм намесил.
Здравствуй, Мисир, инородец
безьюртный,
Здравствуй, охотник Мисир.

Пёс за хатоном.
Снимай свои лыжи,
Сбрось с опояска ножи.
Греет орги,
Подвигайся поближе,
Длинно про степь расскажи...

Славно Мисиру
На шкуре мохнатой
Вытеплить зяблые выкрутки рук;
Рыжую гриву огонь волосатый
Чешет на остром ветру...

— Слушай, Олеська,
В степи затаённой
Много творится чудес.
Воют волками собаки-таены,
Стаями тянутся в лес.

Помнишь места, где зимуют медведи,—
С троп, где кочует зверьё,
Красный шаман с шайтанятами едет;
Новую веру везёт.

Глаз его мудрый
Каждую щёлку,
Всякое горе найдёт,
Кыс молодую и чёрную белку
Больше таен никогда не возьмёт!..

— Кыс молодую... и чёрную белку...
Братъ у таенов, сказал? —
Ой, как рассыпались остро и мелко
Вдруг у Олеськи глаза.

...Рыжие луны за тундрой потонут,
Бросят олени под сани помёт,
В дальний наслег
К огонеру-таену
Стройная кыс, напевая, уйдёт.

Помнит Олеська за битой спиною
Лет многогогий табун.
Где же забыть,
Если осенью ноют
Годы на самом горбу?
Где же забыть,

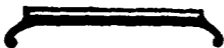
Если столько таёно
То, что нельзя утаить?
О-о, как умеют собаки-таены,
Даже не трогая, бить!..

Время не вытравит челюстей волчьих,
Годы кровавых рубцов не заткут, —
Целую ночь над берданою молча
Медные скулы маячил якут...

Вымерли жилы отчаянных речек...
Снежные дали рыхлы и круты.
Утром засветло,
Солнцу навстречу,
Ружья закинув,
Ушли якуты.

1924

Первая любовь

СВИДАНИЕ

И ночь эта
Будет богатой,
И я
Улыбнуться непрочь —
Уж бронзовый якорь заката
Бросает московская ночь.

Мне ветер
Приятельски машет,
И, путаясь и пыля,
Как зелием полные чаши,
Шипят
И кипят
Тополя.

Привет,
Замечательный вечер!
Прощай,
Мой печальный порог!
Я вышел.
А ветер — навстречу
И лёг по-собачьи у ног...

Когда — собеседник небрежный —
К нам радость заглянет на миг,

Мы лучшие мысли и нежность
Сливаем в девический лик.
И в этот закат не случайно
Мне машут радушным крылом
Медлительная окраина
И мирный садовнический дом.

О молодость, —
Где бы я ни был,
О юность,
Зимой и весной
Со мною —
Бубновое небо,
И плотская нежность —
Со мной!

Сквозь смуту житейских вопросов,
Сквозь пышные годы мои
Прошли ароматные косы,
Как две золотые струи.

И, может быть, в годы железа
И я быть железным сумел,
Чтоб в лад боевой марсельезы
Мне девичий голос гремел.

Как рад я,
Что к мирным равнинам

Так выдержанно пронёс
И мужество гражданина
И лирику женских волос...

Над крышей садовника — дрема,
И дремлет садовник давно,
Сугробы пахучих черёмух
Совсем завалили окно.

Я скромностью не обижен,
И, встав на чужое крыльцо,
За снегом черёмухи
Вижу
Смеющееся лицо.

Но чуток холера-садовник,
Хоть видно и без труда,
Как дышит и мирно и ровно
Седая его борода...

Пусть молодость — нараспашку,
Но даже и молодость — ждёт.
Я жду.
По знакомству, дворняжка
Меня в ожиданьи займёт.

Я жду и теперь, как когда-то.
Но только прошу:
— Не про-срочь!
Ты видишь —
Уж якорь заката
Бросает московская ночь,
1926

НОЧНОЙ РУЧЕЙ

Вот он!
Слушайте и пейте.
Вот он!
Чей-то и ничей.
Как серебряная флейта,
Лёг в песчанике ручей.

Он течёт
и балагурит.
А на нём,
ясна, чиста,
Золотой клавиатурой
Отразилась высота.

Я застыл благоговейно,
Очарован высотой,
Надо мною
муравейник,
Муравейник золотой!

Вот где чаянья сбылися:
Ничего у пыльных ног,
Только рюмки кипарисов
Узкой скатертью дорог.

И ещё,
Под шалью яркой,
Да ещё,
В тиши и тьме,
Чернобровая татарка,
Синеглазая Этьме.

Счастлив я
И беззаботен!
Но и счастье,
И покой
Я, ей-богу, заработал
Этой раненой рукой.

Да,
Я прожил, не играя,
Всё я знал:
И плоть, и кровь.
Спой же песню, дорогая,
Про счастливую любовь!

Хлынет синяя улыбка,
Захлещёт весёлый рот,
И серебряная рыбка
Между губ её мелькнёт.

Мне бы надо осторожней,
Я запутался, ей-ей,
В этом чёрном бездорожьи
Удивительных бровей.

Эти
    чортовские веки...
Этот
    чортов синий цвет!

Но в каком, скажите, веке
Был рассудочным поэт?

1926

ГЕСНЯ

На Карпатах,
На Карпатах!
Под австрийский
Свист и вой,
Потерял казак папаху
Вместе с русой головой.

Задремавший подорожьем,
Ветер дрогнул,
И с полей
Он пошёл зелёной дрожью
По букетам тополей.

Он подался до Кубани,
День ли,
Два ли протекло —
Он добрался до Кубани,
Свистнул в жёлтое стекло.

В хате девка молодая,
Позабыв про хоровод,
На бубнового
гадает,
На червового кладёт.

Или девке это снится?
Вышла девка —
Ни души.
Тишь,
И лунные лисицы
Шнырят по двору в тиши.

И смекнула молодая:
Этот посвист
Не к добру,
И стоит она, рыдает
На порхающем ветру...

...И гремим,
И протестуем,
И терзаем
Мы любя.
Эту песенку простую
Написал я
Для тебя.

В ней, наивной
И напевной,
Много доброго тепла.
Чтобы более душевной
Ты, любимая, была.

Нам,
Прошедшим зной и снежность,
Нам,
Вдыхавшим пыль и дым, —
Нам нужны
Друзья и нежность
Много больше, чем другим.

1927

ПЕСНЯ ОБ УБИТОМ КОМИССАРЕ

Близко города Тамбова,
Недалёко от села,
Комиссара молодого
Пуля-дура подсекла.

Он склонялся,
Он склонялся,
Падал медленно к сосне
И кому-то улыбался
Тихо-тихо, как во сне.

Умирая в лазарете,
Он сказал:
— Ребята... Тут
Есть портрет... Елизавета —
Эту девушку зовут.

Красным гарусом расшитый —
Вот он, шёлковый кисет!
Ну, так вы ей... напишите,
Что меня...

в помине нет...

Мы над ним
Не проронили

Ни единого словца.
Мы его похоронили
Честь по чести, как бойца.
Но тамбовской ночью тёмной,
Уцелевшие в бою,
Мы задумались,
И вспомнил
Каждый девушку свою...

1935

ПИСЬМО

...Я тебя не ждала сегодня
И старалась забыть любя.
Но пришёл бородатый водник
И сказал, что знает тебя.

Он такой же, как ты, лохматый,
И такие же брюки — клёш!
Рассказал, что ты был под
Кронштадтом.

Жив...

Но больше домой не придёшь...

Он умолк.

И мы слушали оба,
Как над крышей шумит метель.
Мне тогда показалась гробом
Колькина колыбель...

Я его поняла с полслова,
Гоша,

Милый!..

Молю...

Приезжай...
Я тебя и такого...
И безногого...
Я люблю!

1923

КАНЦЕЛЯРИСТКА

А. Хребтовой

Где хитрых ног смиренное движенье,
Где шум и дым,
Где дым и шум, —
Она сидит печальным отраженьем
Своих высокопарных дум.

Глаза расширились, раскинулись.
И реже
Смыкается у голубых границ
Задумчивое побережье
Чуть-чуть прикрашенных ресниц.

Она глядит, она глядит в окно,
Где тает небо голубое.
И вдруг...
Зелёное сукно
Ударило морским прибоем!..

И люди видеть не могли,
Как над столом её, по водам,
Величественно протекли
И корабли,
И небосводы.

И как менялась бирюза
В глазах глубоких и печальных,
Пока... не заглянул в глаза
Суровый и сухой начальник...

Я знаю помыслы твои
И то,
Насколько сердцу тяжко, —
Хоть прыгают, как воробьи,
По счётам чёрные костяшки.

1925

ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО

Нет, что-то есть такое выше
Разлук
И холода в руке!
Вы снились мне,
И вас я слышал
На лазаретном тюфяке.

И это вас,
Когда потухло,
Я у груди пронёс назад,
Как девочка больную куклу.
Как руку
Раненый содат...

Вы на далёком повороте,
Ни враг,
Ни друг.
И не родня...
Но нет,
Но нет, вы не уйдёте...
Вы не уйдёте
От меня!

Нет,
Даже предаваясь плоти
С другим —

Вы слышите: с другим! —
Вы нежность вашу
Назовёте
Библейским именем моим.

И это выше,
Выше, выше
Разлук
И холода в руке!
Вы снились мне...
И вас я слышал
На лазаретном тюфяке.

Мне и теперь
Былое, право,
Переболеть не удалось.
И надо мною
Ваша слава
Густых
Тропических волос.

И я,
Как в милом сновиденьи,
Всё принимаю, без границ,
Всё...
Даже узкое презренье
Полуприщуренных ресниц.

ЛЫЖНИ

Вы уедете, я знаю,
За ночь снег опять пройдёт.
Лыжня синяя, лесная
Постепенно пропадёт.

Я опять пойду среди просек,
Как бывало в эти дни.
Лесорубы, верно, спросят:
— Что ж вы, Павлович, одни?.. —

Как мне гражданам ответить?
О себе не говорю!
Я сошлюсь на сильный ветер
И, пожалуй, закурю.

Ну, а мне-то...
Ну, а мне-то?..
Ветра нет... ведь это ж факт...
Некурящему поэту
Успокоить сердце как?

Или так и надо ближним,
Так и надо без следа,
Как идущим накрест лыжням,
Расходиться навсегда?..

1935

СНЕГУРОЧКА

Любовь моя, снегурочка,
Не стоит горевать!
Ну что ты плачешь, дурочка,
Что надо умирать?

Умри, умри, не жалуясь...
Играя и шутя,
Тебя лепило, балуясь,
Такое же дитя.

Лепила и не думала,
Что не весёлый смех, —
Живую душу вдунула
Она в холодный снег!

И что, когда откружится
Безумный этот вихрь,
Останется лишь лужица
От радостей твоих...

1940

РАЗЛУКА

Разлука уносит любовь...

Кукольник

Ветер. Листья облетели.
И уже недели две
Серебристый шар метели
Куролесит по Москве.

Но пускай заносит зданья
Вьюга, снег... Ты не грусти.
Всё равно путей свиданья
Никому не занести.

И недолгими снегами
Ты была разлучена.
Жизнь стояла между нами,
Как Китайская стена.

Но в степи дорожной пыли
И в пыли людской молвы
Мы с тобой не позабыли
Климат любящей Москвы.

Ну, так дай скорее руки!..
Видишь: жизнью снесена,
Сметена стена разлуки,
Как Китайская стена.

1934

СЕРДЦЕ

Ничего не пощадили —
Ни хорошее, ни хлам.
Всё, что было, разделили,
Разломали пополам.

Отдал книги,
Отдал полки...
Не оставил ничего!
Даже мелкие осколки
Отдал сердца своего.

Всё взяла.
Любую малость —
Серебро взяла и жечь.
А от сердца... отказалась.
Говорит — другое есть.
1935

СТАРАЯ ПЕСЕНКА

Было, доктор, правда, было
Сердце, полное огня.
Было, доктор, да и сплыло.
Нету сердца у меня!

Доктор, выслушайте, сверьтесь,
Помогите... буду рад.
Разве, доктор, станет сердце
Так стучаться невпопад?

Люди, — люди не поверят.
Не поверят?.. Ну и пусть.
Это я к любимой в двери
На Остоженке стучусь.

Ни ответа, ни привета...
Вот уже четыре дня
Отвечают: «Нету»... «Нету»!..
Нету сердца у меня!

1936

СВИДАНИЕ

Осеннего поля
Покой нелюдимый.
Герой над рекою
Гуляет с любимой.

Впервые опять
После долгой разлуки
Увидел он Волги
Родные излуки.

И солнце на касках
Пустых колоколен
Увидел опять он!
И парень доволен.

О, как тосковал он
Об этом порою...
Как помнил, родная!..
Но только героя

Родная в нём видит.
— Скорей говорите:
Вы к нам из Мадрида?
Вы были в Мадриде?

— Герой Теруэля...
Как это прекрасно! —
Но он не согласен:
— Ну, это уж басни.

Он был, как и все,
Как другие бывают:
В разлуке не пуля, —
Тоска убивает.

А он тосковал...
И парень краснеет.
Но разве румянец
Оружие с нею!

— Вы к нам из столицы?
Вы были в столице?
И вас принимали
Известные лица?

Ну, что вы молчите?! —
И, скромно потупясь,
Он вдруг признаётся:
— Ах, это всё глупость!

Да, был. Принимали... —
Но и в столице

В одно дорогое
Сливались все лица.

Герой, говорите...
Но даже в сраженьи
Он видел её лишь!
— Вы слышите, Женя?..

Но где там... Не слышит!
Подёрнулось око
Каким-то туманом.
И где-то далёко
Парит её взгляд,
Далеко за горою...

Ах, что ей до парня?
Ей надо героя!

1939

ВЕТЕР

Одинокий, затравленный зверь, —
Как и я, вероятно, небритый, —
Он стучится то в окна, то в дверь,
Умоляя людей: — Отвори-и-те...

Но семейные наглухо спят.
Только я, не скрывая зевоты,
Вылезаю к товарищу в сад,
Открываю окно: — Ну, чего ты?..

Что поделаешь... ветру подстать,
У семейных считаясь уродом,
Не могу, понимаете, спать,
Если рядом страдает природа!..

1939

ПОЭТУ

Нелепая это идея —
На возраст коситься в стихах,
Писать: угасаю... седею...
И ох, дорогая, и ах!

Напротив: седин не касаясь,
Тверди, не жалея труда:
—Я молод,—тверди.—Я красавец.
Я юн... и ещё хоть куда! —

Пускай в это верится слабо.
Ты всё-таки цели достиг:
Не выйдет любовь... то хотя бы
Получится радостный стих...

1937

ОТКРОВЕННОСТЬ

Ты устала, дорогая.
Триста с лишним дней в году!
Дни труда...
И ты в трамвае
Задремала на ходу.

Крепко сомкнуты ресницы,
Брови подняты дугой.
Кто тебе сегодня снится,
Мой товарищ дорогой?

Это, может быть, красавец
По лицу
И по уму.
Я деталей не касаюсь...
Но завидую ему.

Я себя последней спицей
Не считаю. Нет!
И мне
Тоже бы хотелось сниться
Многим девушкам
В стране.

Но тебе,
С которой вместе
Общим делом
Я живу,
Для которой столько песен
Написал я
Наяву,
Мне б особенно хотелось
Передать во сне привет.

Это, верно... мягкотелость?
Что ж поделаешь...
поэт!

1934

ЗДРАВИЦА

Пью за здоровье Мери...

А. Пушкин

Над страной стою с бокалом
И прошу друзей помочь.
Пью за море!
Пью за скалы,
Подпирающие ночь!

За улыбки пью прохожих,
Блиzkих сердцу моему.
Пью за девушек хороших,
Отдыхающих в Крыму!

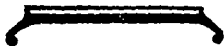
Пью за нас,
За наше время,
За созвездие Тельца...
И за звёзды, что на шлеме
У советского бойца!

За черешни Украины,
За республику в цвету!
И за ласковое имя —
То есть именно за ту,

Для которой почтой спешной
Отсылаем письма мы
И в садах цветут черешни
Всех республик,
Всех семи!

Пусть над ней струится время
Южной свежестью своей
И кипит благословенье
Украинских тополей!..
1935

Стихи
о
дружбе

ВЕТЕР

Старый дом мой —
Просто рухлядь.
Всё тревожит —
Каждый писк.
Слышу, ветер в мягких туфлях
Тронул старческий карниз.

Как влюблённый, аккуратен
Милый друг!
К исходу дня,
В мягких туфлях и в халате,
Он бывает у меня.

Верен ветер дружбе давней.
Но всегда в его приход
Постоит у дряхлых ставней
И, вздыхая,
Повернёт.

Я не знаю, чем он мучим?
Только вижу:
Всё смелей
Он слоняется, задумчив,
Длинной хитростью аллея.

И когда он, чуть печален,
Распахнулся на ходу,
То поспешно зашептались
Сучья с листьями в саду...

Я опутал шею шарфом,
Вышел... он уже готов!
Он настраивает арфу
Телеграфных проводов...

1925

ПРИЗНАКИ ВЕСНЫ

И. Д. Папанину

Был снег, и тем не менее
Синица на сосне
Обменивалась мненьями
С другими о весне.

Но, видимо, на ясене
Вопросы не ясны:
Возникли разногласия
По поводу весны.

Всё утро, как на диспуте,
Перекликался лес.
И даже дятел выступил,
Когда в дупло залез!

А люди — ну, не глупо ли! —
Все доводы проспав,
Гадали под тулупами,
Кто в этом споре прав.

И только школьник маленький —
Хотя и был он мал —
Не надевая валенки,
Синицу понимал.

Повёл глазами добрыми
И согласился: — Да,
Весна. И значит, во-время
Братки
Ушли
Со льда.

1938

ДОЖДЬ В ДЕТСКОМ САДУ

Смокла птица... Сникла ветка.
И срывается с гвоздя
Металлическая клетка
Полосатого дождя.

И не дождь совсем, а мушки
На фонарь хотят присесть!
И не мушки, а к кормушке
Приглашают куриц есть!

Нет, не просо! И не птицы
Пробегают через сад:
Это спицы, просто спицы
Мокрым садом колесят!

Или — знаю: это льётся
И не дождь, а — провода.
И по ним передаётся
Очень срочная вода!

Ну, тогда мы непременно
Все узнаем перемены:
— Соберите молодёжь!
Интересно, что за новость
Сообщает детям дождь? —

Точка... точка, запятая..
Ну, конечно... так и есть!
Из Мадрида и Китая
Телеграммы детям есть.
«Дорогие, — пишут, — детки,
Не-пре-мен-но победим!»

...Дождь прошёл. На мокрой ветке
Пар колеблется, как дым.
1938

МОЛОДЁЖИ

Нас годы научили мудро
Смотреть в поток
До глубины,
И в наших юношеских кудрях
До срока —
Снежность седины.

Мы выросли,
Но жар не тает,
Бунтарский жар
В нас не ослаб!
Мы выросли,
Как вырастает
Идущий к пристани корабль.

1925

СТИХИ О ДРУЖБЕ

Я думаю чаще и чаще,
Что нет ничего без границ.
Что скроет усатая чаща
Улыбки приятельских лиц.

Расчётливость сменит беспечность,
И вместо тоски о былом
Мы, встретясь,
Былую сердечность
Мальчишеством назовём.

Быть может,
Рассудочной стужей
Не тронем безусых путей.

Быть может,
Мы будем не хуже,
И все-таки будем не те...

Вот девушку любим и нежим,
А станет жена или мать —
Мы будем всё реже и реже
Любимой её называть...

1926

ГОСТЕПРИИМСТВО

Мы любим дом,
Где любят нас.
Пусть он сыр, пусть он душен.
Но лишь бы тёплое радушьё
Цвело в окне хозяйских глаз.

И по любой мудрёной карте
Мы этот странный дом найдём —
Где длинный чай,
Где робкий фартук,
Где равно — в декабре и в марте —
Встречают
Солнечным лицом!

1925

ЗИМА

Средь седых
И старящих,
Сводящих с ума,
И моя,
Товарищи,
Тащится зима.

Постучится палочкой,
Сядет у стола:
— Ну-с, Иосиф Павлович,
Вот и я
Пришла...

Я склонюсь,
Задумавшись,
А вокруг, звеня,
Девушки
И юноши
Окружат меня.

Не кряхтя,
Не ахая,
Не зная забот,
А играя сахаром
Молодых зубов!..

Но, шапчонку комкая,
Старый гражданин,
Я перед потомками
Не склоню седин.

Бьёт
В кремлёвском знамени
Алая струя.
Это — кровь!

И в пламени
Капля есть
Моя...

Средь седых
И старящих,
Сводящих с ума,
И моя,
Товарищи,
Тащится зима.

Постучится палочкой,
Сядет у стола:
— Ну-с, Иосиф Павлович,
Вот и я
Пришла.

1928

МЫ С ТОБОЙ

Мы с тобой
На открытой платформе
Под убийственным встали огнём.
Так давай, современник,
По форме
И по совести
Грудь застегнём.

Так давай, сотоварищ,
В обтяжку
Подтяни гимнастёрку свою,
Не годится,
Душа нараспашку,
Рядовому болтаться в строю!

Если всё-таки
Будет неловко
И неладно
В солдатской груди,
Ты тогда поднимись
И винтовку
По врагу разряди,
Разряди!

Табака при себе
Не имея,
Ты, смотри,
Не закуривай с ним...
Не всегда я
Такое умею,
Не всегда я
Бываю таким!

Забывая пароль
И уставы,
Непременные в деле таком,
Я нередко
У самой заставы
Толковал и курил
С земляком.

Вы дурную чувствительность эту
Не усваивайте,
Друзья!
То, что можно, пожалуй,
Поэту,
То бойцу
Ни в какую нельзя...

Оттремят,
Успокоятся бури,

Отдымит
И рассеется чад.
Вот тогда
И споём,
И покурим,
И обнимем знакомых дивчат.
1933

КОНДРАТИЙ РЫЛЕЕВ

...За тяжкий труд моих страданий
Вознаграждён и я, поэт,
Не шубой славы стародавней
С царёвых плеч... Не чином. Нет.

Но тем, что все мои печали,
Мужавшие день ото дня,
Народной болью прозвучали!
И тем, — что слушает меня

Народ на площади морозной,
Не утирая слёз с лица,
Как слушали ещё при Грозном
На Красной площади слепца.

1936

СОЛЬ

С чистым весом
Слезы филигранной,
В сапогах,
Целиком, как вы есть,
На оптовый язык
Килограммов
Всё стараются
Вас перевести.

А попробуй
Такую нагрузку
Примерять на кило
И на пуд, —
Так, пожалуй, под это
На Курском
Бесконечный состав подадут...

Я хотел бы,
Пока ещё розов
Утром парусник,
Как-нибудь встав,
Для сердечных своих перевозок
Попросить
До Батума состав.

Мне мой труд
Не особенно сладок:
Как там песню
Стихом ни глуши,
Остаётся солёный осадок
Где-то
В водорослях души.

И хотелось бы,
Вычеркнув вёрсты,
Стильным брасом волны голубой
Всю
Солёную эту развёрстку
Опрокинуть
В батумский прибой.

Что для моря
Масштабов безгранных,
В этой общей
Солёной связи,
Два каких-то
Лирических грана
Сквозь стихи проступившей слезы?

Мелочиться
Ему не пристало.
А с такого, глядишь, пустяка,

Формируясь,
Сверкают кристаллы
Просолённого вдосталь стиха!

...Ты глядишь
С укоризной, товарищ?
Современник
И автор побед,
Уверяю,
Без соли,
Не сваришь
Ни один стихотворный обед.

Так пускай,
Разгораясь, не тухнет,
Сколь бы ни были
Судьи строги,
Эта чудная,
Синяя кухня
Шторма,
Соли
И честной строки!

1932

ПЕСНЯ БОДРОСТИ

Други,
Это не годится!
Чуть волна на горизонте,
Вы сейчас
На квинту лица,
Вёсла к чорту
И — за зонтик.

Пусть волна
Поднимет лапу,
Пусть волна
По вёслам стукнет —
Не смеяться и не плакать, —
Песню,
Мужество
И руки!..

Кормит жизнь
Мудрёной смесью,
Пробуй всё, ценитель тонкий:
Не всегда медовый месяц,
Есть и прачка и
Пелёнки.

Так чего же горячиться,
Если горечи подлито?
Пробуй,
Пробуй —
От горчицы
К мясу больше аппетита.

На Босфор склонились птицы,
И не смотрит тополь хмуро —
Тополь по осень
Гордится
Золотистой шевелюрой.

Чем же наша участь плоше?
Ах, и в будущем
И в прошлом
Столько девушек хороших
В нашем городе хорошем!..

Весел я,
Но глупо думать,—
Мол, поэт в весёлом рвении
Вовсе выкинул из трюма
Грусть
И мудрое сомненье.

Никогда с одной улыбкой
Человек не станет нашим..

Хорошо —
Что плачет скрипка.
Хо-ро-шо —
Что парень пляшет.

Только нам
Ложиться рано
(Не родился и не помер),
Уйма блох
И тараканов
В нашем строящемся доме.

Значит —
Рано ставить точку.
Это будет,
Это после.
Ну-ка, братцы,
Ки-пя-точ-ку!
Ну-ка, милые,
За вёсла!

Пусть волна
Поднимет лапу,
Пусть волна
По вёслам стукнет —

Не смеяться и не плакать, —
Песню!
Мужество!
И руки!..
1927

*Повесть о рыжем
Мотэле,*

*господине инспекторе,
раввине Исае и
комиссаре Блох*

Глава первая
ДО БЕЗ ЦАРЯ И НЕМНОГО
ПОСЛЕ

И дед и отец работали.
А чем он лучше других?
И маленький рыжий Мотэле
Работал
За двоих.

Чего хотел, не дали.
(Но мечты его с ним!)
Думал учиться в хедере¹,
А сделали —
Портным.
— Так что же?
Прикажете плакать?
Нет, так нет! —
И он ставил десять заплаток
На один жилет.

---

¹ Х е д е р — школа.

И...
(Это, правда, давнее,
Но и о давнем
Не умолчишь.)
По пятницам
Мотэле давнэл¹,
А по субботам
Ел фиш².

ЖИЛИ-БЫЛИ

Сколько домов пройдено,
Столько пройдено стран.
Каждый дом — своя родина,
Свой океан.

И под каждой слабенькой
крышей,
Как она ни слаба, —
Своё счастье,
Свои мыши,
Своя судьба...

И редко,
Очень редко —

¹ Молился.

² Ф и ш — рыба.

Две мыши
На одну щель!

Вот: Мотэле чинит жилетки,
А инспектор
Носит портфель.

И знает каждый по городу
Портняжью нужду одну.
А инспектор имеет
Хорошую бороду
И хорошую
Жену.

По-разному счастье курится,
По-разному —
У разных мест:
Мотэле мечтает о курице,
А инспектор
Курицу ест.

Счастье — оно игриво.
Жди и лови.
Вот: Мотэле любит Риву,
Но... у Ривы
Отец — раввин.

А раввин говорит часто
И всегда об одном:
— Ей надо
Большое счастье
И большой
Дом.

Так мало, что сердце воеет,
Воеет, как паровоз.
Если у Мотэле всё, что большое,
Так это только
Нос.

— Ну, что же?
Прикажете плакать?
Нет, так нет! —
И он ставил заплату
И на брюки
И на жилет.

. . . . .
Да, под каждой слабенькой крышей,
Как она ни слаба, —
Своё счастье, свои мыши,
Своя
Судьба.

И сколько жизнь ни упряма,
Меньше, чем мало, — не дать.
И у Мотэле
Была мама,
Еврейская старая мать.

Как у всех, конечно, любима.
(Э-э-э... об этом не говорят!)
Она хорошо
Варила цимес
И хорошо
Рсжала ребят.
И помнит он годового
И полугодовых...

Но Мотэле жил в Кишинёве,
Где много городовых,
Где много молебнов спето
По царской родовой,
Где жил... господин... инспектор
С красивой бородой...

Трудно сказать про омут,
А омут стоит
У рта:
Всего...
Два...

Погрома...
И Мотэле стал
Сирота.

— Так что же?
Прикажете плакать?!
Нет, так нет! —
И он ставил заплату
Вместо брюк
На жилет.

. . . . .

А дни кто-то вѣз и вѣз.
И в небе
Без толку
Висели пуговики звезд
И лунная
Ермолка.
И в сонной, скупой тиши
Мыши пугали скрипом.
И кто-то
Шил
Кому-то
Тахрихим¹.

---

¹ Т а х р и х и м — саван.

«ПРИ ЧЁМ» и «НИ ПРИ ЧЁМ»

Этот день был таким новым.
Молодым, как заря!
Первый раз тогда в Кишинёве
Пели не про царя!

Таких дней немного,
А как тот — один.
Тогда не пришёл в синагогу
Господин
Раввин.

Брюки,
Жилетки,
Смейтесь!
Радуйтесь дню моему:
Гос-по-дин по-лиц-мейстер
Сел
В тюрьму!
Ведь это же очень и очень.
Боже ты мой!

Но почему не хохочет
Господин
Городовой?

Редкое, мудрое слово
Сказал сапожник Илья:
— Мотэле, тут ни при чём

Егова,

А при чём — ты
И я.

. . . . .
И дни затараторили,
Как торговка Мэд.

И евреи спорили:
«Да» или «нет»?
Так открыли многое
Мудрые слова.

Стала синагогою
Любая голова.

Прошлым мало в нынешнем:
Только вой да ной.

«Нет», —
Инспектор вырешил.

«Да», —
Сказал портной.

. . . . .
А дни кто-то вёз и вёз.
И в небе
Без толку

Висели пуговики звёзд
И лунная ермолка.

И в сонной, скупой тиши
Пёс кроворотый лаял.
И кто-то
Крепко
Сшил
Тахрихим
Николаю!

Этот день был
Таким новым,
Молодым, как заря!
Первый раз тогда в Кишинёве
Пели
Не про царя!

Глава вторая .

КИШИНЁВСКИЕ ЧУДЕСА

Чудо первое

Мэд
На базаре
Волнуется.
И не Мэд,

Весь
Ряд:
На вокзал
По улице
Прошёл
Отряд...
Но не к этому
Доводы,
Главное (чтоб он сдох!)—
В отряде
С могоендовидом¹
Мотька
Блох!

Идёт по главной улице,
Как генерал на парад.
И Мэд на базаре волнуется,
И волнуется
Весь ряд.

Чудо второе

Каждому, слава богу,
Каким аршином ни мерь, —

¹ Могоендовид — иудейский символический знак — шестиконечная звезда.

Особая дорога,
Особая дверь.
И — так
Себе,
Понемногу,
В слякоть,
В снег
Идут особой дорогой
Люди весь век.

Радостный путь немногим.
Не всем,
Как компот:
Одни ломают ноги,
Другие —
Наоборот.
Вот!

. . . . .
Ветер гнусит у околицы,
Горю раввина вторит.
По торе¹
Раввин молится,
Гьдает раввин
По торе.
Трогает рыжие кончики

---

¹ Т о р а — священное писание.

Выцветшего

Талэса¹:

— Скоро ли всё это кончится?

Сколько ещё осталось?

Тени свечей,

Проталкиваясь,

Мутно растут

И стынют.

И кажется

Катафалком

Комната над раввином.

— Это прямо наказание!

Вы слышали?

Хаим Бэз

Делать сыну обрезанье

Отказался

Наотрез.

Первый случай в Кишинёве!

Что придумал, сукин сын?!

Говорит:

«До-воль-но кро-ви,

Ува-жае-мый рав-вин!!!»

. . . . .

---

¹ Молитвенное одеяние.

Много дорог, много,
Столько же, сколько глаз!
И от нас
До бога,
Как от бога
До нас.

Ещё о первом чуде

И куда они торопятся,
Эти странные часы?
Ой, как
Сердце в них колотится!
Ой, как косы их усы!
Ша!
За вами ведь не гонятся?
Так немножечко назад...
А часы вперёд,
Как конница,
Все летят, летят, летят...
. . . . .

В очереди
Люди
Ахают,
Ахают и жмут:

— Почему
Не дают
Сахару?
Сахару почему не дают?

— Видимо,
Выдать
Лень ему.
— Трудно заняться час?

Такую бы жизнь — Ленину,
Хорошую,
Как у нас!
— Что вы стоите,
Сарра?
Что может дать
Слепой,
Когда
Комиссаром
Какой-то
Портной?
Ему бы чинить
Рубаху,
А он комиссаром
Тут!..

В очереди люди ахают,
Ахают
И жмут.

Ч у д о т р е т ь е

Эти дни
Невозможно мудры,
Цадики¹, а не дни!
В серебро золотые кудлы
Обратили они.
Новости каждый месяц.
Шутка сказать:
Жсна инспектора весит
Уже не семь,
А пять.

А Мотэле?
Вы не смейтесь,
Тоже не пустяк:
Мотэле выбрил пейсы,
Снял лапсердак.

Мотэле весь перекроен
(Попробовал лучший суп!):

---

¹ Ц а д и к и — мудрецы, учёные.

Мотэле смотрит
«В корень»
И говорит:
«По су-ще-ству».

Новости каждый месяц,
Шутка сказать:
Жена инспектора весит
Уже на семь,
А пять!

И носик
Почти без пудры.
И глазки —
Не огни...
Эти дни невозможно мудры,
Цадики, а не дни!

. . . . .

Много дорог, много,
А нехватает дорог.
И если здесь —
Слава богу,
То где-то —
Не дай бог,
— Ох!

...Ветер стих за околицей,
Прислушиваясь, стих:
Инспектор не о себе молится,
Инспектор молится
О других.
Голос молитвы ровен.
Слово сменяется вздохом:
— Дай бог
Жене здоровья,
Дай бог
Хворобы Блоху...
Дай бог то и это.
(Многое дай бог, понятно!)
Дай бог сгореть советам,
Провалиться депутатам...
Зиму смени
На лето,
Выпрями то,
Что смято...
Дай бог и то и это,
Многое дай бог, понятно.

ЧУДО НЕКИШИНЁВСКОГО
МАСШТАБА

Слишком шумный и слишком скорый
Этих лет многогамный гвалт.

Ой, не знала, должно быть, тора,
И раввин, должно быть, не знал!
Кто подумал бы,
Кто бы поверил,
Кто поверить бы этому мог?
Перепутались
Мыши, двери,
Перепутались
Нитки дорог.

В сотый век —
И, конечно, не чаще
(Это видел едва ли Ной!)
По-портняжьему
Робко счастье
И, как счастье,
Неробок портной.

Многогамный, премудрый гомон!..
Разве думал инспектор Бобров,
Что когда-нибудь
Без погромов
Проблаженствует Кишинёв?!
Кто подумал бы,
Кто бы поверил,
Кто поверить бы этому мог?
Перепутались

Мыши, двери,
Перепутались
Нитки дорог.

Глава третья

НОВОЕ ВРЕМЯ—НОВЫЕ ПЕСНИ
СИНАГОГАЛЬНАЯ

В синагоге —
Шум и гам,
Гам и шум!
Все евреи по углам:
— Ш-ша!
— Ш-шу!

Выступает
Рэб Абрум.
В синагоге —
Гам и шум,
Гвалт!

• • • • •
Рэб Абрум сказал:
— Бо-же мой!
Евреи сказали:
— Беда!

Рэб Абрум сказал:
— До-жи-ли!
Евреи сказали:
— Да.

. . . . .
А раввин сидел
И охал
Тихо, скромно,
А потом сказал:
— Пло-ха! —
Сказал и вспомнил
Блоха.

ПОЧТИ СВАДЕБНАЯ

Лебедю в осень снится
Зелень озёрных мест,
Тот, кто попробовал птицы,
Мясо не очень ест.
Мудрый раввин Исая
Так мудр!
Так мудр!
Почти
Наизусть знает
Почти
Весь талмуд.
Но выглядит всё-таки плохо:

Щукой на мели...

— Мне к комиссару Блоху... —
Его провели.

Надо куда-то деться:

— К чорту!

— К небесам!

— До вас небольшое дельце,
Товарищ комиссар.

У каждого еврея

Должны дочери быть.

И каждому еврею

Надо скорее

Своих

Дочерей сбыть...

Вы — мужчина красивый,

Скажемте:

Зять, как зять.

Так почему моей Ривы

Вам бы

Не взять?

Отцу хвалить не годится,

Но, другим не в укор,

Скажу:

Моя девица —

Девица до сих пор.

Белая, белая сажуца!
Майский мороз!
Раввину уже кажется,
Что у Блоха...
Короче нос?!

ПЕСНЯ «ТЕКУЩИХ ДЕЛ»

И куда они торопятся,
Эти странные часы?
Ой, как сердце в них колотится!
Ой, как косы их усы!
Ша!
За вами ведь не гонятся!
Так немножечко назад...
А часы вперёд, как конница,
Всё летят.

. . . . .
Этот день был
Небесным громом,
Сотрясеньем твердынь!
Мэд видала,
Как вышел из дому
Инспектор — без бороды?!
— Выбрился,
Честное слово!
Тысяча слов!

И ахал в Кишинёве
Весь Кишинёв.

И собаки умеют плакать,
Плакать, как плачем мы.
Ну, попробуйте, скажем, лапу
Ударить, ущемить?
Да, бывает —
Собака плачет.
А что же тогда человек?
И много текло горячих,
Горьких, солёных рек.

Слёзы не в пользу гдазу.
И человек сказал:
— Н-ну!
Так инспектор потерял сразу
И бороду
И жену.

Хоть жену не совсем утратил,
Но курица стала не та.
Ну, скажем,
Стала его Катя
Курица без хвоста.
— Счастье — оно игриво.
Счастье — сумасброд. —

И ждал он терпеливо:
— Наверно, назад придёт.

Но... на морозе голого
Долго не греет дым...
И он опустил голову,
Голову без бороды.

Так, окончательно сломан,
Робок, как никогда,
Инспектор
Пришёл к портному,
Чтобы сказать:
«Да».

. . . . .

Маленький, жиденский столик.
(Ножка когда-то была,
Инспектор сидит и юлет
«Текущие дела».

Путь секретарский тяжёк:
Столько серьёзных слов!
Сто-лько се-рьёз-ных бу-ма-жек!
И на каждой:
«Блох», «Бобров».

Жутко: контроль на контроле.
Комиссия вот была...
Инспектор сидит и колет
«Текущие дела».
И... он мечтает — не больше
(Что же осталось ему?),
Как бы попасть
В Польшу
И не понасть
В тюрьму...

В ОБЩЕМ ФОКУСЕ

Что значит:
Хочет человек?
Как будто дело в человеке!
Мы все, конечно, целый век
Желаем
Золотые реки.
Все жаждем сахар, так сказать,
А получается иначе;
Да, если хочешь
Хохотать,
То непременно
Плачешь.

Но дайте жизни...
Новый век...

Иной уют,
Иная крыша,
И тот же самый человек
Вам будет
На голову выше.

Для птицы главное — гнездо.
Под солнцем всякий угол светел.
Вот Мотэле —
Он «от» и «до»
Сидит в сердитом
Кабинете.

Сидит как первый человек.

И «нет, так нет»
Здесь не услышишь.
В чём фокус? Тайна?..
Новый век.

Иной уют,
Иная крыша...

О-о-о, время!
Плохо... Хорошо...
Оно и так
И этак вертит.
И если новым
Срок пришёл,
То, значит, старым —
Время смерти!

ПОГРЕБАЛЬНАЯ

Комната... тихо... пыльно.

Комната... вечер... синь.

Динькает

Будильник:

Динь...

Динь...

Динь...

Час кончины —

Он приходит

Тихо-тихо,

Не услышишь.

И уходит молча счастье,

И уходят

Мыши.

Только горе неизменно.

Заржавел пасхальный чайник!

И задумаются стены.

И —

Молчанье.

Он заснежит, он завьюжит

В полночь, ветер белорукий...

И совсем теперь не нужен

Ни талмуд,

Ни брюки.

Тихо.

Сумрак нависает.

Не молитва

И не ужин...

Пусть по-новому, Исайя,

Стол тебе послужит.

А потом — к иному краю,

В рай, конечно, не иначе...

Тихо!

Свечи догорают.

Тихо.

Сарра плачет...

О-о-о, время!

«Плохо»... «Хорошо»....

Оно и так

И этак вертит,

И если новым

Срок пришёл,

То, значит, старым —

Время смерти...

Да, если новым срок пришёл,

То, значит, старым —

Фэртиг...¹

---

¹ Ф э р т и г — готовое, конец.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

До Кракова —
Ровно сорок
И до Варшавы —
Сорок.
Но лучше, чем всякий город,
Свой, родной город.
Разве дворцом сломите
Маленькие, заплатанные,
Знаете, домики,
Где смеялись и плакали?
Вот вам
И меньше и больше.
Каждому свой мессия!
Инспектору
Нужно Польшу,
Портному —
Россия.

Сколько с ней было пройдено,
Будет ещё пройдено!
Милая, светлая родина,
Свободная родина!
Золото хуже меди,
Если рукам верите...
И Мотэле

Не уедет,
И даже
В Америку.
Не-ет, он шагал не даром
В ногу с тревожным веком.
И пусть он — не комиссаром,
Достаточно —
Чс-ло-ве-ком!
Можно и без галопа
К месту приехать:
И Мотэле будет штопать
Наши прорехи.

. . . . .
Милая, светлая родина,
Свободная родина!
Сколько с ней было пройдено,
Будет ещё пройдено!!!

1924—25 г.
Иркутск — Москва.

СОДЕРЖАНИЕ

З а в д р а в н а я п е с н я

Задравная песня	5
Гвардейская здравица	7
Сестра	8
Русской женщине	9
Город	12
В дороге	13
Тройка	14
Утро	16
Пейзаж	17
Русская песня	18
Клятва	20
Я видел девочку убитую	21
Я видел сам	22
Послушай меня	23
Затишье	25
Беженцы	26
Былое	27
На Днепре	28
Машинист	29
Допрос	31
Клятва	32

Баллада о Заслонове и его адъютанте . . .	33
Гонец	36
Старый партизан	37
Дея	39
Бабы	40
Слава русскому штыку	42
Чему верить и что непременно будет . .	43

Ты пишешь письмо мне

О героях	47
Всем ты, молодец, хорош	49
Петлицы	50
Проводы	51
После боя	52
Ты пишешь письмо мне	53
Если будешь ранен, милый, на войне . . .	55
Если я не вернусь, дорогая	57
Народная песня	58
Лампы неуверенное пламя	59
Моряк в Крыму	61

Двадцатый

Двадцатый	65
Рассказ солдата	69
Налет	71
Комсомольская песня	73

Сибирские песни	75
Народная песня	78
Расстрел	79
Курган	81
Атака	83
Барабанщик	86
Сунгарийский друг	88
Гитара	90
Якуты	93

П е р в а я л ю б о в ь

Свидание	101
Ночной ручей	105
Песня	108
Песня об убитом комиссаре	111
Письмо	113
Канцеляристка	115
Последнее письмо	117
Лыжи	119
Снегурочка	120
Разлука	121
Сердце	122
Старая песенка	123
Свидание	124
Ветер	127

Повту	128
Откровенность	129
Здравица	131

С т и х и о д р у ж б е

Ветер	135
Признаки весны	137
Дождь в детском саду	139
Молодежи	141
Стихи о дружбе	142
Гостеприимство	143
Зима	144
Мы с тобой	146
Кондратий Рылеев	149
Соль	150
Песня бодрости	153
Повесть о рыжем Мотале	157

Редактор *М. А. Зенкевич*

Подп. к печ. 4/V—44 г. А7948 Зак. 2483

3¹/₈ печ. лист. 4,7 уч. авт. лист.

Тираж 25 000 Цена 5 р.

6-я тип. треста „Полиграфкнига“ ОГИЗа
при СНК РСФСР

Москва, 1-й Самотечный пер., 17